

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 11 (№), 2026

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Критика

Карелия в творчестве Ф. Глинки

ДРУГОВ Сергей

ПетрГУ (Петрозаводск),
ilvovaster@gmail.com

30 июня 1826 года почтовая тройка прибыла на центральную площадь крошечного губернского города Петрозаводска. Конвоиры привезли бледного молодого человека с болезненным взглядом, который еще недавно был завсегдатаем столичных литературных кружков, публикуемым поэтом и офицером. Подавленный после месяцев заключения в глухой Петропавловской крепости, он взшел в полукруглое каменное здание канцелярии, где его уже ждал губернатор Тимофей ван дер Флинт.

«Боже, в какую глушь я попал», — такой могла быть первая мысль и ссыльного государственного преступника, и его нового начальника, мечтавшего перенести столицу Олонецкой губернии подальше от пропахшего кровью и порохом городка.

Федор Глинка родился 8 июня 1786 года в имении в Смоленской области. Поэт происходил из старинного дворянского рода Глинка, ведущего свою родословную из Польши. Будучи болезненным ребенком, он получил домашнее образование, а в 1796 году был отдан в первый кадетский корпус в Петербурге. Став офицером, Глинка участвовал в первой компании против Наполеона 1805 года, а затем участвовал в войне 1812 года. Как и многие офицеры своего поколения, Глинка принимал участие в деятельности тайных обществ и в 1816 году стал одним из руководителей Союза благоденствия. После восстания декабристов по империи прокатились репрессии, и Глинка, не участвовавший в восстании на Сенатской площади, был арестован в феврале 1826 года^[1].

После 13 недель в Петропавловской крепости поэт отправился в бессрочную ссылку в «край холодный и пустынный». Живя в карельской ссылке 1826 по 1830 годы, поэт писал меланхоличные стихи:

«Окрестность дикую пестря,

Вдали, как пятна, нивы с хлебом,

И на томпаковое небо

Взошла кровавая заря.

Питомец ласкового юга

Без чувств, без мыслей вдаль глядит

И, полный грусти, как недуга,

О ней ни с кем не говорит»^[2]

Во время ссылки Глинка написал несколько десятков стихов и две поэмы, одна из которых, «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны» была опубликована в 1832 году и получила хорошие отзывы критиков^[3]. Помимо близких автору религиозных мотивов в произведениях ссыльной поры видна этнографическая

работа. Трудясь в губернских присутственных местах, Глинка путешествовал по Олонецкой губернии, неоднократно бывал в Повенецком уезде, в Заонежье. Общение с крестьянами, знакомство со специфическими карельскими словами отразилось на творчестве. К своим «олонецким поэмам» Глинка добавил обширные заметки и очерки из жизни местного населения. Современные исследователи сравнивают эти комментарии с набросками к этнографической статье^[4].

Литераторы эпохи Глинки часто комбинировали экзотические пейзажи с детальным описанием иной (по отношению к быту петербургских аристократов) жизни. Так Евгений Баратынский в своих финских стихах погружал читателей в атмосферу загадочного северного края с помощью пейзажных зарисовок и разговора о глубокой древности. В «Финляндии» Баратынского «граниты вековые» сторожат «венец земли». Север у Баратынского мифологизирован: «Так вот отечество Одиновых детей / Грозы народов отдаленных!»^[5].

Похожим образом действовал Кондратий Рылеев. Уже в первых строках поэмы «Войнаровский» читателей встречала запредельно дикая и холодная Якутия, в которой томился племянник Мазепы, ссыльный казак Войнаровский:

*«Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...»*^[6]

Ни в подходе к выбору поэтического материала, ни в стиле Федор Николаевич не был уникальным автором. Исследователь Валентин Базанов даже сопоставлял пейзажные зарисовки из «Карелии» и «Войнаровского», которые невнимательный читатель легко может спутать между собой^[7].

Описание природы у Глинки сопряжено с надрывом, особой элегической интонацией. Поэт создает образ края, чуждого, враждебного всему светлому и живому:

*«Над озером, Габ-озером,
Сидит, грустит унылый птах.
Не здешний он: из дальних стран!
Пришиблен он невзгодою,
Привязан он хворобою!
Сидит, грустит залетный птах!
Никто ему ни свой, ни брат!
Один-одним, сироточка!»*^[8]

Похожие мотивы видны и в этих строках:

*«Ничто не движется, безлюдный берег спит.
И волны тихие смешались с небесами,
Чуть слышен гул грозы — и молния горит
Над повенецкими лесами...
Торчат, как призраки, огромные скалы,
Природы древние обломки»^[9]*

Наиболее фактурно образ Карелии рисуется в поэмах Глинки. Действие «Карелии, или заточении Марфы Иоановны» происходит во времена правления Бориса Годунова. Марфа Иоановна Романова (до пострижения Ксения Шестова, родилась в 1570-е), мать будущего царя Михаила Романова, находится в заточении в Выгорецком стане на севере Онежского озера. Завязка отражает реальные исторические события. После того, как династия Рюриковичей прервалась, боярские роды начали борьбу за власть. Победителем вышел Борис Годунов. Чтобы обезопасить трон, в 1601 году Годунов насильно постриг боярина Федора Романова в монахи и отправил того под Архангельск. Будущего царя Михаила вместе с сестрой Татьяной отправили в Белоозеро, а мать семейства — в Толвую, где ее насильно постригли в инокиню и нарекли Марфой. Современные историки полагают, что боярыня уже в 1602 году могла воссоединиться с детьми в Юрьеве-Подольском уезде. Но во времена Глинки считалось, что в ссылке она пробыла до 1605 года, что создает почву для истории о долгой и томительной неволе^[10].

По сюжету узница знакомится с крестьянином Никанором, который, дабы развеять тоску царицы, приводит к ней безымянного монаха. Отшельник трижды встречается с Марфой, рассказывая ей о своем путешествии из Константинополя в северный край, о духовных поисках и прозрениях. Между второй и третьей встречами в качестве интерлюдии к Марфе приходит десятилетняя Маша, дочь Никанора, которая рассказывает царевне сказки (былички) про лесных духов. Заканчивается поэма тем, что за узницей приезжают посланцы из Москвы и забирают ее из ссылки.

Можно предположить, что в образе карельской узницы Глинка представил себя. Он будто бы специально выбрал один из самых тяжелых периодов русской истории (начало Смутного времени), создав тем самым переключку со «смутой» 1825 года. Автор лишил Марфу Иоановну собственного голоса, объяснив молчание героини следующим образом:

«Наконец, при прочтении всего стихотворения может возникнуть вопрос: отчего так мало действует, особенно мало разговаривает, сама Марфа Иоанновна. Я размышлял о сем и нахожу, что по важности ее сана ей нельзя было дать разговора о предметах неважных; о важном же, собственно до нее касающемся, ей говорить было не с кем. Подле нее не было своего человека, которому бы она могла раскрыть душу, поверить тайны сердца. Никанору делала поручения; монаха слушала она как человека любопытного; молодой карелке позволяла рассказывать. Но самой ей, и по званию инокини, и по положению своему, следовало оставаться более в безмолвии. Истинная скорбь чем глубже, тем молчаливее. История вовсе ничего не передала нам о Марфе Иоанновне во время ее заточения; осмелится ли поэзия влагать ей в уста, без крайней надобности, речи вымышленные, которые могли бы, может быть, уронить или показать не в настоящем свете характер столь высокой особы?»^[11]

В июне 1827 года во время служебной командировки автор побывал в Толвуйском погосте, где некогда находился уединенный терем Марфы:

«Мне показали, позади крестьянских строений, в прямой почти линии с церковью (на месте коей существовал в древности монастырь), небольшую площадку, огороженную тыном; внутренность оной поросла крапивою и репейником, но инде желтеются подсолнечники; всё, что уцелело от бывшего терема, есть фундамент,

складенный из огромных камней булыжника, коего на берегах озера Онеги находится во множестве. Место, на коем стоял терем, несколько возвышенно; но, судя по пространству фундамента, жилище государыни русской не было обширно. Вид на север. Окрестности не представляют ничего приятного для взора, и осенью, когда необозримая Онега шумит и волнуется, места сии должны быть ещё печальнее. Вдали — на горизонте — синеются берега Чолмужской волости, где живут так называемые обельные крестьяне; влево, к северо—западу виден остров, принадлежащий Палеостровскому монастырю»^[12].

Основной сюжет предваряет длинный пролог, занимающий десятую часть поэмы. Цель пролога в подобных произведениях — создать определенное настроение, погрузить читателя в атмосферу места. Что мы узнаем про Карелию из первых строк?

*«Пуста в Кареле сторона
Безмолвны Севера поляны;
В тиши ночной, как великаны,
Восстав озер своих со дна
Одни, встревожась, плещут рыбы,
Иль крики чаек на водах
Пустынный отзыв оживляют.
Порою на пустых берегах»^[13]*

Пока что в поэме не появился герой, который бы беспристрастно взирал на мрачные скалы и озера. «Карела» в прологе дика, лишена всякого активного действия или событий, которые отвлекли бы случайного наблюдателя от созерцания безлюдного, пустынного мира.

Слово «пустынь» в русской традиции обычно ассоциируется с уединенным уголком, в котором от невзгод внешнего мира прячутся одинокие странники и безмолвствующие монахи. В краю, описанным Глинкой, схиму (молчание) принимает и «сын Карелы», редкий гость, странствующий среди вызывающего многообразия сияющих озер, алмазных верхушек елей, небесных огней.

*«Но для кого сей блеск утешен?
В глуши безлюдья своего
Сей край порадует кого?»^[14]*

В пространстве поэмы эти вопросы звучат риторически. «Пустынь карельские озера», «Чуть уцелевшие потомки / Былых, первоначальных гор» существуют безотносительно к человеческому присутствию. Сам монотонный слог поэта тоской, которую порождает сырая еловая пустыня, по-своему пугающая и прекрасная. В одном из своих писем Глинка отмечал:

«Здесьняя существенность со стороны природы величественна. Все в необъятно огромных размерах. В одном месте видите озеро Онегу с десятью тысячами квадратных верст ее влажной площади; в другой стороне непроходимые леса растут и согнивают на огромном квадрате из пяти тысяч верст. Во всей Олонецкой губернии сто шестнадцать тысяч верст, а жителей едва до 100 тысяч! И сие-то безлюдие наводит уныние, если захочешь сообщаться со внешним миром»^[15].

Сюжет поэмы разворачивается в унисон мрачной музыке пейзажа. В первой главе узница толвуйского терема знакомится с безымянным отшельником, но все действие сводится к разговору. Монах рассказывает свою историю, которая во многом повторяет житие реального святого Лазаря Муромского^[16]. Во второй главе отшельник продолжает рассказывать свою историю, и вновь значительная часть повествования отдается лирическим зарисовкам:

*«Сребро и бисеры блестя т,
И с желтым златом, полосами,
Оттенки алые горят,
И тихо озера лежат
На рудяных своих постелях
Уж сосны золотятся днем,
И с красногрудым снегирем
Клесты кричат на острых елях...
Но пусто все на сих берегах,
И грустно в пасмурном за творе!»^[17]*

«Лесное» и «горнокаменное»^[18] постоянно вторгается в повествование, существуя не параллельно основному сюжету, но предопределяя ход и темп повествования. Если допустить, что монах является центральным персонажем поэмы^[19], то в таком случае северная природа способствует раскрытию центральной сюжетной линии. Уже не Марфа Иоанновна, но отшельник с его опытом отчуждения от мира выходят на передний план. И погрузить странника в добровольное изгнание, оставить его наедине с Богом помогает специфика места, о котором пишет Глинка:

*«Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам, —
Везде пустыня: здесь и там...
И от озер студеным вее т...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае по утрам
Блестает серебро мороза...
Мертвее т долго все...»^[20]*

В рассказе отшельника безлюдный, существующий вдалеке от человеческих взоров край становится местом тихого уединения и молитвы. Блеск озер если не становится «утешением», то по крайней мере оказывается местом единения с вечностью:

*«Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
О счастье жизни сей волнистой!
Где ты — в чертоге ль богача,
В обе тах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой
Под вечным шумом Кивача?»^[21]*

Еще в прологе Глинка одной фразой обрисовал отношения северного края с человеческим разумом:

*«Нема, глуха страна сия!
Здесь нет Орфея-соловья»^[22]*

Строго говоря, Орфей-Соловей уже посещал эти места за несколько десятилетий до Глинки. Речь про Гаврилу Романовича Державина, виднейшего поэта русского классицизма, автора знаменитого «Водопада». Державин тоже прочувствовал волнующую красоту здешних мест:

*«Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит»^[23]*

Но быстро покончив с описанием водопада, Державин перешел от частного к всеобщему, от погружения в специфический северный пейзаж к всероссийскому (смерть графа Потемкина-Таврическому) и затем общечеловеческому (рассуждения об истории и памяти) контексту:

*«Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.*

...

Сидит — и, взор вперяя к водам,

В глубокой думе рассуждае т:

»Не жизнь ли человеков нам

Сей водопад изображае т?»^[24]

Кивача в тексте Державина практически нет: подобно реке, уносящей в океан забвенья народы и царства, классицизм Державина уносит его от живого описания места в сторону философской лирики. Уже современники предполагали, что описание природы и основная часть оды были написаны в разное время. Автор будто бы ждал момента, события, к которому можно будет привязать точную зарисовку. Или, как отметил Базанов в 1950-е, пейзаж Карелии у Державина — это лишь подступ к размышлениям, которому грозит «полное развеществление, переход на подчиненную роль символа и эмблемы»^[25].

А теперь взглянем на описание все того же Кивача у Глинки:

Но что шумит?.. В пустыне шепот

Растет, растет, звучит, и вдруг

Как будто конной рати топот

Дивит и ужасает слух!

Гул, стук!.. Знать, где-то строят грады!

Свист, визг!.. Знать, целый лес

пилят!

Кружатся, блещут звезд громады,

И вихри влажные летят

Холодной, стекловидной пыли.

Кивач! Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..

И выслал бурю он в ответ!»^[26]

Кивач у Державина — это символ неумолимого хода истории, исчезновения всякой земной славы в потоки времени. С таким же успехом поэт мог бы использовать описание порогов Рейна или обратиться к безымянному фонтану, как это в свое время сделает Тютчев. Кивач у Глинки, напротив, очень конкретен и осязаем. Это точка на карте дикой Карелии, место самоотречения отшельника, его слияния с волей Создателя:

«Над Кивачом, на выси дальней

Горит алмазная звезда...

Так и в душе моей печальной

Звездится радость иногда.

Но скоро дум докучных тучи
Ложатся на минутный свет:
Вот подо мной песок зыбучий.
И мне в земном опоры нет!
Поддай с небес, Отец, мне руку,
Меня на скользком укрепи,
Отвей любви дыханьем муку
И посвети в глухой степи!
Я без приюта, без вожатых,
Впотьмах над бездной я стою!
Тут глубь, там грома перекаты —
Я Твой! Храни главу мою»^[27]

Дальнейший ход поэмы не преподносит сюрпризов: третья глава посвящена сказкам, которые крестьянская девочка Маша рассказывает тоскующей узнице. Но даже в сказках никакого действия не происходит: богатырь Заонега, победивший змея — Тугарина, путешествует по пустынным землям Карелии, слыша от лесных духов скорбную песнь о грехопадении:

«Зачем он, бедный, пал,
Оброс грехом и стал так мал —
Забыл свое предназначенье!..
Ныл век, когда его был рай!..
Теперь, возвышенного чуждый,
Зарылся он в земные нужды...
Родись, томись и умирай!
Что день, что час — все ближе к гробу!»^[28]

Поэма заканчивается без видимых усилий со стороны главных героев. После третьего визита отшельника (во время которого он делится с Марфой своими видениями) приходит радостная весть об освобождении карельской узницы. По воле Бога или судьбы она возвращается в Москву, а читатель вновь остается один на один с северным безмолвием:

«Но что о прежнем вспоминать?
Оно прошло уж, время злое!..
И кро́тая царева ма́ть
Давно уж на Москве. А терем?
С годами тихо он ветшал,

Но раз нашел с Онеги вал...

И чем преданье мы проверим?..

Теперь уж с давних, давних лет

Былого терема там нет»^[29]

Таким образом герои поэмы за все время повествования (исключая рассказы о прошлом) не предприняли никаких видимых активных действий. Все видимые события происходили по велению извне, а внутренние страдания сглаживались путем созерцания и единения с вечностью, как это было у отшельника.

Северную природу в поэме Глинке можно с оговорками рассматривать в парадигме романтической поэзии. По Юрию Манну, романтическая поэзия строится на противопоставлениях. Живущий в экзотической, натуральной среде герой противопоставлен жителю современного города, дух просвещения — живому чувству. Питаясь материалом элегий и деревенской идиллии, поэзия романтизма доводит конфликт двоемирия до предела. Романтические герои, подобно романтическому мыслителю, бегут от строгой системы к свободе сумеречных мыслей и тезисов^[30].

Отшельник у Глинки нашел покой в лесной глуши, удалившись от мира с его страстями и искушениями. Но в отличие от прочих героев романтической поэзии, персонажи «Карелии» лишены земных страстей в актуальном времени, в момент развития сюжета. В пространстве поэмы, на северной окраине мира они могут лишь предаваться меланхолии и тихой молитве. И в этом проявляется не только их индивидуальные жизненные обстоятельства (изгнание, бегство), но и характер самой карельской земли, которая существовала до прихода в нее людей и, вероятно, продолжит существовать дальше.

Ольга Вайнштейн в 1990-е писала, что романтизм — это попытка создать нового субъекта, поставив его один на один с объектами, с вещами, как они есть без посредников. В подобном подходе видно фундирующее влияние Иммануила Канта, который в конце XVIII отрезал человеческий разум от «вещи в себе», бытия, как оно есть безотносительно к разуму. Неудивительно, что романтизм, как первая реакция на «коперниканский переворот» Канта, попытался вернуться к вещам со стороны самого бытия, сохраняя при этом возникшую дихотомию между субъективностью и объективностью, между человеком и миром^[31].

Во многом в романтической поэзии прослеживается влияние Фридриха Шеллинга и его философии природы. Шеллинг развивал кантианские вопросы бытия вещей, независимых от сознания, и пришел к идее тождества материи и духа. Эти два начала не существуют независимо друг от друга, но крепко спаяны. Природа, вещественный мир, находится в постоянном движении и динамике, и человеческий разум здесь лишь точка в этом сплошном движении. Поэтому мир природы не является внешним по отношению к человеку, но предшествует человеку и полностью раскрывается в его разуме^[32].

«Карелия» Федора Глинки не воплощает философию Шеллинга в поэзии, но невольно становится созвучна его идее о материальном, предшествующем идеальному. Глинка был знаком с философией Шеллинга на уровне обзорных лекций^[33]. Поэма «Карелия» накладывается на философию Шеллинга, словно слова на музыку, сочиненные независимо друг от друга. Пустынная карельская природа предопределяет ход мышления и чувствования персонажей поэмы в высшем, шеллингианском смысле.

Не считая себя исключительно поэтом-романтиком, Глинка очень осторожно, с опорой на классицизм^[34] прощупывал туманную, неопределенную природу вещей, скрытых от проникновенного взгляда субъекта, «Орфея — соловья». Человек в мире поэмы Глинки всегда изгнанник, узник, отброшенный на окраину мироздания. Но именно в пустынном крае, доверившись зову запредельного, можно разглядеть невечерний

свет туманном мареве Онежского озера.

Источники

Базанов В.Г.. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века [Текст] : Очерки. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1955. — 311 с.

Базанов В.Г. Поэзия русского Севера : Карел. статьи и очерки / Василий Базанов. — Петрозаводск : Карелия, 1981. — 288 с.

Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля / Ольга Вайнштейн: Рос. гос. гуманитар. ун—т. Ин—т высш. гуманитар. исслед.. — М. : РГГУ, 1994. — 80 с.

Галанова В.А. Карельская эпическая поэма Ф.Н. Глинки как историко—христианская легенда // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №3 (26). С. 24 — 28.

Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1957. 512 с.

Глинка Ф.Н. Письма к другу / Сост., вступ. ст. и коммент.

В. П. Зверева.— М. : Современник, 1990.— 559 с.

Гущина В. А. «Она ведь мать царя родного Михаила...». По мотивам поэмы Ф.Н. Глинки «Карелия» [Электронный ресурс] // Газета «Кижы». URL: <https://site.kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/100/2591.html>

Зайцева Н. В. Археолого—этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» // Изв. Саратов. ун—та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №3. С. 291 — 297.

Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. / Ю.В. Манн — М.: Аспект Пресс,—384 с.

Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb—web.ru/feb/pushkin/serial/psr/psr2009—.htm>

Пашков А.М. «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия» // Проблемы исторической поэтики. 2014. №12. С. 112 — 124.

Пашков А.М. Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII — середины XIX в // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. №17 (139). С. 113 — 129.

Пашков А.М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи 1 т. / А. М. Пашков. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2001. 228 с.

Шеллинг Ф.В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб.: Наука, 1998. 518 с.

^[1] Арест Глинки связан с тем, что на его квартире проходили собрания Союза благоденствия. Сам поэт за несколько дней до восстания на Сенатской площади встречался с Кондратием Рылеевым. Пашков А.М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи 1 т. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2001. С.45 — 65.

^[2] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1957. С.273.

^[3] Пушкин писал о «Карелии»: «Изо всѣхъ нашихъ Поэтовъ, Ф. Н. Глинка, можетъ быть, самый оригинальный. Онъ не исповѣдуетъ ни древняго, ни Французскаго Классицизма, онъ не слѣдуетъ ни готическому, ни новѣйшему Романтизму; слогъ его не напоминаетъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковскимъ и Батюшковымъ. Вы столь же легко угадаете Глинку въ элегическомъ его Псалмѣ, какъ узнаете Князя Вяземскаго въ станцахъ метафизическихъ или Крылова въ сатирической притчѣ. Небрежность рифмъ и слога, обороты то смѣлые, то прозаическіе, простота, соединенная съ изысканностію, какая—то вялость и въ то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушіе, теплота чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжесть живописи, иногда мѣлочной, — все даетъ особенную печать его произведеніямъ». Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки // Фундаментальная электронная библиотека. [Электронный ресурс] URL: <https://feb—web.ru/feb/pushkin/serial/psr/psr2009>

^[4] Зайцева Н. В. Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №3. С. 291 — 297.

^[5] Баратынский Евгений. Финляндия // Культура.ру. [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/26005/finlyandiya>

^[6] Рылеев Кондратий. Войнаровский // Культура.ру. [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/books/431/voinarovskii>

^[7] Базанов В.Г..Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века [Текст] : Очерки. — Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1955. С.58 — 69.

^[8] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С. 275.

^[9] Там же. С.251.

^[10] Пашков А.М. Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII — середины XIX в // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. №17 (139). С. 113 — 129.

^[11] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С.344.

^[12] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С. 403.

^[13] Там же. С. 345.

^[14] Там же. С. 346.

^[15] Глинка Ф.Н. Письма к другу. С.481.

^[16] Как и безымянный герой поэмы, Лазарь отправился из Византии на север после видения. Во сне к нему

пришел настоятель Василий из Великого Новгорода, с которыми Лазарь уже встречался во время посещения Руси. Прodelав большой путь, грек остановился в глухих местах. Озеро Муромское (от вепского *murm* — морoшка), соединенное с Онего небольшим перешейком, и сегодня удалено от путей сообщения. Переписанная копия «Жития Лазаря Муромского» попала к Глинке через местного купца, а с истoрией святого поэта познакомил первый петрозаводский краевед Тихон Баландин. Пашков А.М. «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия» // Проблемы истoрической поэтики. 2014. №12. С. 112 — 124.

[17] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С. 358.

[18] В 1830 году Глинка отправил Пушкину свою »Карелию» с такими словами: »Приемлю смелость (хоть и трудно на это отважиться!) препроводить к вам мою «Карелию» — произведение лесное и горно—каменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием своего разнообразия,; и природа внутренняя человека с ее священной таинственностью, вы, может быть, заметите в «Карелии» чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые». Глинка Ф.Н. Письма к другу. С. 490 — 491.

[19] Галанова В.А. Карельская эпическая поэма Ф.Н. Глинки как истoрико—христианская легенда // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №3 (26). С. 24 — 28.

[20] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С. 365.

[21] Там же. С. 369.

[22] Там же. С. 348.

[23] Державин Гаврила. Водопад // Культура.ру. [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/23880/vodopad>

[24] Там же.

[25] Базанов В.Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. С.27.

[26] Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С. 368 — 369.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 378.

[29] Там же. С. 397.

[30] Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс. С. 133 — 164.

[31] Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля / Ольга Вайнштейн: Рос. гос. гуманит. ун-т. Ин-т высш. гуманит. исслед.. — М. : РГГУ, 1994. С. 30 — 34.

[32] «природа в себе, или вечная природа, есть именно дух, переведенный (*geborge*) в объективное, есть введенная в форму сущность бога, только в нем это введение непосредственно заключает другое единство. По сравнению с этим являющаяся природа есть являющееся как таковое, или в особенности, преобразование сущности в форму, следовательно, есть вечная природа, поскольку она определяет саму себя к телесности и, таким образом, представляет саму себя посредством самой себя как особенную форму». Шеллинг Ф.В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб.: Наука, 1998. С. 141 — 142.

[33] В письме издателю «Московского вестника» Михаилу Погодину Глинка писал: «В разных местных журналах я замечаю также мысли, заимствованные у философии Шеллинга :

некогда я с жадностью слушал лекции сей философии, содержание оных сохранилось еще у меня в тетрадах. Важное понятие о безусловном, о Гармонии мира уясняет мысли, возвышает душу». Глинка Ф.Н. Письма к другу. С. 484.

^[34] Глинка писал Владимиру Измайлову в 1826 году: «Что я писал, то писал по обстоятельствам и для того только, чтобы облегчать сердце, облекая холодною буквою кипящее чувство, которое иногда волнуется в груди и требует быть выраженным. Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю как назвать!». Глинка Ф.Н. Письма к другу. С. 473 — 474.